

Приключения Юн-Хо-Зана

Богдыхан Юн-Хо-Зан, о котором шла уже речь, был добрым и справедливым богдыханом. По крайней мере, стремился быть таким. Стремился всеми силами своей доброй, молодой души.

Он был заботлив о народе.

Когда устраивались придворные празднества, фейерверки, большие шествия с фонариками, музыка и танцы, или когда в гарем богдыхана привозили новых невольниц, — Юн-Хо-Зан отказывался от всех этих удовольствий:

— Разве затем небо послало меня на землю, чтобы предаваться праздности и забавам?

Это воздержание богдыхана ужасно беспокоило придворных мандаринов.

— Не повредил бы он этим себе... да и нам! — говорили они, качая головами в знак тяжкого раздумья.

Юн-Хо-Зан проводил всё время в чтении тех писем и донесений, которые писали ему мандарины, управлявшие Китаем.

А мандарины писали всегда одно и то же.

Так что, распечатывая письмо, Юн-Хо-Зан заранее уже знал, что в нём написано.

«Солнце освещает счастливейшую из стран!» — начиналось каждое письмо.

Так что Юн-Хо-Зан даже возроптал:

— Мне уже надоело это «освещающее солнце». Нельзя ли писать как-нибудь поразнообразнее?

И мандаринам было запрещено во всей стране, под страхом наказания бамбуками по пяткам, употреблять выражение:

«Солнце освещает».

Все стали говорить:

— Солнце светит на счастливейшую из стран.

Но и это надоело Юн-Хо-Зану. От долгого чтения мандаринских писем он и во сне только видел, что эти слова.

Ему снилось, что он бродит по своему дворцу, — и на всех стенах, потолках, полах было написано, выткано, выжжено:

«Солнце светит на счастливейшую из стран».

Это ему наскучило, и он выбежал из дворца. Он бежал долго, и когда оглянулся, то увидел, что на полях растут не травы и цветы, а письменные знаки, — и из этих знаков составляются слова:

«Солнце светит на счастливейшую из стран».

И река, которая протекала по долине и сверкала золотой чешуёй, делала бесчисленные изгибы и этими изгибами выписывала на земле:

«Солнце светит на счастливейшую из стран».

— Солнце светит! Солнце светит! — свистали в кустах малиновки.

А дятлы в лесу долбили деревья и доканчивали фразу:

— На счастливейшую из стран!

— Солнце светит! — прокуковала вдали кукушка.

— На счастливейшую из стран! — ответило ей эхо.

Ветерок пробежал, и листья зашептали смеясь:

— Солнце светит на счастливейшую, на счастливейшую, на счастливейшую из стран.

В ужасе богдыхан упал на колени и обратил взоры к небу.

Но и на небе было написано то же:

«Солнце светит» и т. д.

А солнца-то на небе и не было.

Обеспокоенный страшным сном, Юн-Хо-Зан призвал к себе сверстников, преданных друзей детства, которые, в числе 12, по китайскому обычаю, воспитываются вместе с будущим богдыханом и получают за него все наказания.

— Правда ли это? Вот будто бы солнце светит и т. д. Я богдыхан, этикет запрещает мне выходить из дворца, а вы люди вольные, гуляете, где хотите, всё видите, можете всё знать. Именем неба и нашей дружбой заклинаю вас, скажите мне всю правду.

Друзья переглянулись:

— Правду?

— Знаешь ли ты, сын неба, что такое бамбук? — спросил самый любимый из них.

— Как не знать! — воскликнул Юн-Хо-Зан. — Я часто вижу бамбук в моём саду и люблю отдыхать под его тенью. Высокий, развесистый, тенистый кустарник!

— Вот, вот! Тенистый. С тех пор, как на земле стал расти бамбук, правде очень трудно светить на землю. Потому что у всякого человека есть пятки. Отдыхай себе мирно в тени бамбука, сын неба, и не задавай простым людям таких вопросов.

— Мы скажем тебе одно. Мандарины говорят тебе другое. Почём ты будешь знать, кто говорит правду? — добавил второй друг детства. — Чтоб узнать, на чьей стороне правда, надо видеть всё своими глазами!

— Отлично! — сказал Юн-Хо-Зан и приказал созвать всех своих придворных мандаринов.

— Вы знаете, — обратился он к мандаринам, — как я занимаюсь делами правления.

Мандарины поклонились.

— Вчера в первый раз в жизни я зашёл случайно в мой гарем, и жалость наполнила мою душу. Жалость и раскаяние. Мой гарем похож на прекрасный цветник, которого никогда не орошает благодетельная роса. Вянут и гибнут прекрасные цветы. Должен ли я так поступать? Не один ли раз мы живём на свете? Разве вернётся молодость? А потому и решил я вознаградить себя за потерянное время и с сегодняшнего дня отдаться удовольствиям и забавам. С сегодняшнего дня отменяю я все донесения и все представления. Я удаляюсь в свой гарем и запрещаю меня тревожить государственными делами. Три года я пробуду там среди веселья и удовольствий. На три года прощайте!

— Твоё решение премудро и благодетельно! — воскликнул придворный философ. — Какой прекрасный пример подаёшь ты всем китайцам: жить в веселье. Отныне веселье наполнит нашу страну!

А придворный историк добавил:

— Твой пра-пра-пра-прадед Цян-Лян-Дзыр тоже начал с того, что занимался делами государства, а кончил тем, что ушёл в свой гарем. Поступая так, ты следуешь примеру предков.

И по всей стране наступил настоящий праздник. Придворные мандарины отписали своим родственникам, мандаринам в провинции:

«Богдыхан принял премудрое решение: запереться в гарем, и не будет заниматься делами. Больше не надо писать даже донесений, а жалованья остаются все те же».

И все мандарины устроили по всей стране кто фейерверки, кто танцы.

А Юн-Хо-Зан, между тем, удалившись во внутренние покои, сказал друзьям детства:

— Я требую новой услуги от вашей дружбы. Теперь превратите меня из богдыхана в простого китайца. Вы знаете, какие они бывают с вида. Я же никогда не видал простого китайца. В таком виде я обойду всю страну и своими глазами увижу всё, правду, не заслонённую тенью бамбука. Благо никто из китайцев никогда меня не видал и не узнает, — мне будет нетрудно это сделать.

Друзья детства переглянулись в смущении.

— Это трудно будет сделать, сын неба, — сказал самый любимый из них, — прежде всего у тебя, как у богдыхана, нет косы. А каждый простой китаец должен иметь косу!

— Так привяжите мне косу! — смеясь ответил богдыхан.

— Косу-то привязать, конечно, не трудно! — отвечал второй друг детства. — Но что же сделать с походкой? Ты ходишь прямо, как подобает сыну неба. А у простого китайца походка не такая, потому что их бьют бамбуками по пяткам. Простой китаец ходит особенно, с перевалочкой, боясь наступить на пятку.

— Вот так? — рассмеялся Юн-Хо-Зан и прошёлся по комнате на цыпочках, словно у него пятки отбиты бамбуками. — Так я и буду ходить!

— Да, но ты можешь забыться, пойдёшь прямо, и тебя сразу узнают по походке, сын неба! — заметил третий друг детства.

— В таком случае, отколотите меня бамбуками по пяткам, — вот и всё! — воскликнул Юн-Хо-Зан.

Друзья пришли в невероятное смущение и повалились на землю.

Богдыхана?!

— «Никакая цена не высока для мудреца, желающего приобрести истину», — говорит Конфуций. Нечего валяться на полу. Вставайте-ка, да принимайтесь за дело! — весело воскликнул Юн-Хо-Зан. — Посмотрим, что это за удовольствие!

Послушные воле богдыхана, друзья детства тут же отсчитали Юн-Хо-Зану 100 ударов по пяткам, быть может, даже с несколько излишним усердием. По крайней мере, Юн-Хо-Зан, встав после этого на цыпочки, сказал:

— Однако! Как, должно быть, вам было больно, когда вас наказывали за меня!

Впрочем, он сейчас же поборол боль и приказал:

— Теперь подайте мне простое, скромное, но приличное платье и положите мне немного денег в карманы.

И когда переодевание было окончено, Юн-Хо-Зан весело сказал:

— Теперь богдыхана Юн-Хо-Зана на три года не существует. Есть простой молодой китаец Юн-Хо, только что окончивший курс Конфуциевых наук и уже получивший бамбуками по пяткам. До радостного свидания, друзья мои! На три года!

И весело, на цыпочках, вышел из дворца.

Ранним утром, свежим и радостным, входил Юн-Хо-Зан в один из своих городов.

Город был маленький, а при входе в него, с обеих сторон заставы, стояли два огромных-огромных здания за высокими-высокими заборами.

— Что это такое? — спросил Юн-Хо-Зан, указывая на здание направо.

— Тюрьма! — отвечали ему.

— А это?

— Здесь сидят лишившиеся рассудка.

— Такой маленький городок, и такие большие тюрьма и сумасшедший дом! — рассмеялся Юн-Хо-Зан. — Этот город напоминает горбуна, у которого горб больше его самого!

— Таковы все города в нашей стране. Все так построены! — отвечали прохожие.

— Ну, с сумасшедшими мне делать нечего! — сказал себе Юн-Хо-Зан. — А тюрьму посмотрим, — какие-такие пороки в этом городе, что потребовалась такая тюрьма, в которую можно посадить его весь?

Он отправился к мандарину, смотрителю тюрьмы, и сказал:

— Прости, что утруждаю твою милость. Но Конфуций приказал: «Встретив богача, не проси у него денег, — но встретив мудрого, непременно попроси у него слова».

Мандарину понравились эти слова, и он сказал:

— Судя по всему, ты человек неглупый и учёный. С тобой беседовать стоит. Спрашивай.

— Я чужестранец! — с поклоном сказал Юн-Хо-Зан. — И мне бы хотелось знать, какими пороками отличается этот маленький город, если потребовалась такая огромная тюрьма? За что сидит, например, вот этот?

Он указал на одного узника.

— Этот? Он убил своего отца! — отвечал мандарин.

— А! Такого человека следует держать в тюрьме! — сказал Юн-Хо-Зан. — А этот?

— Этот по злобе поджёг дом своего соседа.

— Тоже поделом. А этот?

— Этот резал и грабил людей по большим дорогам.

— Отлично сделали, что посадили. А этот?

— У этого нет косы.

— Косы?

— Косы! Он говорит, что у него кто-то отрезал её у сонного, в насмешку или из злобы.

— Но он совершил что-нибудь преступное?

— Ничего, кроме того, что у него косы нет.

— Дурное?

— Ничего дурного за ним не знаем. Косы нет, — говорю тебе: кажется, учёный человек, а приходится одно и то же повторять десять раз!

— Прости меня. Но, может быть, этот человек добродетельный?

— Может быть. Почём знать! Но у него нет косы, его стража и забрала. Я держу его, брею ему голову, по утрам бью бамбуками по пяткам, — и буду так делать, пока у него не вырастет коса!

— Как же у него может вырасти коса, когда ты бреешь ему голову? - в величайшем изумлении воскликнул Юн-Хо-Зан.

— Я действую на основании законов! — строго и с достоинством отвечал мандарин. — Статья двенадцать миллионов четыреста семьдесят восемь тысяч двести тридцать девять говорит: «Каждый китаец должен иметь косу», а статья двадцать семь миллионов восемьсот тридцать четыре тысячи триста семьдесят пять говорит: «Каждому сидящему в тюрьме надо брить голову». Я и соблюдаю законы... Да ты уж не собираешься ли рассуждать о законах? Так вот что я тебе скажу, молодой ты ещё человек! Судя по твоей походке, ты, кажется, изведаль уже, что такое бамбуки. Смотри, чтоб не пришлось тебе отвесть этого ещё раз. Благодарю ещё богов, что у тебя есть коса! Ступай-ка отсюда, да когда пройдёшь город, посмотри направо; там растёт отличная бамбуковая роща. Посмотри на неё попристальнее! Ничто так не полезно молодому человеку, как созерцание бамбуковых рощ.

Юн-Хо-Зан поспешил откланяться и ушёл.

«Гм! — думал он. — Если так поступают: голову бреют и ждут, пока коса не вырастет, — я понимаю, что при таких порядках многие сходят с ума, и для чего потребовался такой большой сумасшедший дом!»

И он зашагал по городу, думая:

«Как бы довести до всеобщего сведения о несообразностях, творящихся в тюрьме? Узнают и, конечно, прекратят».

Во время таких дум взор его упал на вывеску, на которой большими чёрными знаками было начертано:

«Летопись современных дел. Пишется лучшими летописцами и рассылается каждый день всем желающим за недорогую плату».

— Это достойно быть занесённым в летопись, — сказал себе Юн-Хо-Зан и зашёл в дом, на котором красовалась такая вывеска.

Его встретил весь перепачканный в туши главный летописец, ласково приветствовал, усадил, угостил чаем и сказал:

— Да будет благословен день, в который ты зашёл в нашу хижину, молодой человек! Я сразу полюбил тебя, как сына моего отца. Что угодно будет приказать тебе? Ты хочешь, вероятно, чтоб мы присылали тебе каждый день наши летописи? Благая мысль. Нам кстати нужны деньги, и мы возьмём с тебя недорого!

— Благодарю тебя за чай и за ласку! — отвечал, вставая пред ним, Юн-Хо-Зан.
— Но я чужестранец, в городе не остаюсь и летописи мне получать некуда. Я пришёл с другой целью. Я сам человек учёный, знаю шестьдесят шесть тысяч знаков и могу написать тушью на бумаге всё, что думаю. Я хочу написать в вашу летопись сам интересную страницу, чтоб, прочитав, все знали, а узнавши, прекратили пагубное недоразумение.

Испачканный тушью человек, после таких слов, стал менее ласков, но всё же, соблюдая вежливость, сказал:

— Сядь снова и скажи!

Юн-Хо-Зан рассказал ему, что видел в тюрьме.

Уже с первых слов Юн-Хо-Зана испачканный тушью человек вскочил и плотно запер все окна и двери, а когда Юн-Хо-Зан кончил свой рассказ, он схватился за голову, в знак отчаяния, и горестно воскликнул:

— Ты хочешь погубить себя и нас, жестокий ты человек! Как? Написать такую вещь тушью на бумаге и вырезать с этого доску и с доски сделать оттиск и вклеить это в нашу «Летопись» и разослать всем?! Тогда возьми лучше просто убей моих детей! За что ты хочешь погубить голодной смертью несчастных малюток?

— Как? — спросил Юн-Хо-Зан. — Ты думаешь, что все после этого отвернутся от твоей летописи? Но ведь это правда, и это, я думаю, достойно быть занесено в летопись.

— Разве я тебе не верю? Разве я с тобой не согласен? — держась за голову, воскликнул человек, испачканный тушью. — Но нам позволено писать только о погоде!

— Как о погоде?

— Исключительно о хорошей погоде. Раньше мы писали также и о дурной, но потом мандарины запретили: «Если им запрещено осуждать то, что творится на земле, то как же они смеют так свободно писать о небе?» И с тех пор мы пишем каждый день о хорошей погоде. Описываем блестящий восход солнца даже в пасмурные дни и воспевает вечерний ветерок, который тихо шелестит в кустах...

— Даже тогда, когда свищет вихрь и ревет ураган? Как же вы ухитряетесь делать это?

— Навык, мой молодой друг, навык. У нас есть летописцы, умеющие на одну тысячу манер описывать капельку росы и знающие восемьдесят восемь прилагательных к слову «куст». Есть удивительные искусники и даже зарабатывают на этом хорошие деньги.

— И сколько лун вы пишете все про погоду?

— Я — шестьсот. Да мой отец писал семьсот двадцать пять лун, да мой дед восемьсот тридцать две.

— И вам не надоест?

— Мы любим наше дело! — с гордостью отвечал человек, испачканный тушью.

— Что же мне, однако, делать? — спросил Юн-Хо-Зан. — И как довести о такой несправедливости до сведения высших? Этого так оставить нельзя!

— Попробуй, сходи к верховному мандарину нашего города!

Юн-Хо-Зан пошёл с такой быстротой, с какой может идти человек, боящийся ступить на пятку.

В доме главного мандарина стоял крик и плач, когда к нему подошёл Юн-Хо-Зан. Кричал один голос, а плакали многие.

— Мандарин сейчас занят, — сказали Юн-Хо-Зану прислужники, — он ругает китайцев. Подожди, пока кончит.

— За что ж он их ругает? — спросил Юн-Хо-Зан.

— А так. Чтобы чувствовали почтение! — отвечали ему. — Делается это так. На восходе солнца к дому мандарина сходятся просители. Младшие мандарины, между тем, когда главный мандарин проснётся, рассказывают ему содержание просьб и так раскаляют сердце мандарина, что, когда солнце доходит до полудня, он, как тигр, вылетает к просителям, кричит, ругается,

топочет ногами и грозит извести на них целую рощу бамбуков. Просители от этого чувствуют почтение к власти.

— Но они чувствовали бы ещё больше почтения, если бы мандарин без крика и шума спокойно и справедливо разбирал их жалобы! — сказал Юн-Хо-Зан.

— Эге! — воскликнули прислужники. — Уж не во время ли прогулки в бамбуковом лесу пришла тебе в голову эта мысль?

В это время мандарин кончил кричать на прочих китайцев, и к нему позвали Юн-Хо-Зана.

Терпеливо выслушал Юн-Хо-Зан весь крик, с которым на него накинута мандарин, поклонился и сказал:

— «Когда мудрый говорит глупости, он всё же умнее, чем самое умное, что скажет дурак», — говорит Конфуций.

Мандарин улыбнулся:

— Это мне нравится. Ты, видно, человек неглупый и кое-что знаешь. Говори, в чём твоё дело!

Юн-Хо-Зан рассказал ему о том, что видел и слышал в тюрьме.

— Гм... А у него действительно нет косы? — спросил мандарин, когда Юн-Хо-Зан кончил свой рассказ.

— Как же у него будет коса, когда ему каждую неделю бреют голову! — воскликнул Юн-Хо-Зан.

— В таком случае, это не моё дело! — сказал мандарин. — Если бы у него была коса, — моё дело посмотреть: настоящая коса или фальшивая. А раз косы нет, — это дело мандаринов-судей. К ним и иди.

Юн-Хо-Зан откланялся и поспешил в дом, где судили.

Дом, где судили, был мрачный дом. Так и казалось, что вот-вот сейчас из-за угла выскочит человек, схватит и начнёт бить по пяткам.

Преодолев, однако, все страхи, Юн-Хо-Зан прошёл в ту комнату, где сидели мандарины-судьи.

Перед ними на коленях стоял человек, обвинявшийся в краже палки у соседа. С одной стороны этого человека стоял мандарин, который его ругательно ругал и всячески поносил. А с другой — стоял мандарин, который всячески

восхвалял этого человека. Они спорили, а мандарины-судьи — кто слушал, кто рассматривал узоры на потолке.

— Палка! Палка! — кричал мандарин, ругавший подсудимого. — Не в палке дело, почтенные мандарины, а в том, зачем он её взял. Это негодяй! Завзятый негодяй! Он на всё способен! Он взял палку затем, чтобы убить своего отца и мать! Вот зачем! И я надеюсь, справедливые мандарины, что вы накажете его не за кражу, а по всей справедливости за отцеубийство. То есть, прикажете его разрезать на одну тысячу кусочков!

— Кража! Кража! — кричал мандарин, восхвалявший подсудимого. - Тут кражи нет, а есть доброе дело. У кого взял этот человек палку? У соседа. А кто сосед? Негодяй, известный курильщик опия, безумный. Этот безумный негодяй, накурившись опия, исколотил бы палкой насмерть свою жену и детей. Жалея несчастных, этот человек и взял потихоньку палку у негодяя. Не казнить его надо, добродетельного человека, а поблагодарить. И я уверен, справедливые мандарины, что этот добрый человек не уйдёт от вас без похвалы и награды. А что касается до отцеубийства, то, справедливые судьи, у него и отец и мать давно уже умерли. Кого же убивать-то?!

— А, умерли? — закричал мандарин-ругатель. — Тем хуже! Значит, он взял палку, чтобы раскопать их могилы. Осквернение памяти предков! Значит, вы присудите его прежде, чем разрезать на одну тысячу кусков, распилить тупой пилой надвое!

— Зачем они говорят всё это? — удивился Юн-Хо-Зан, обращаясь к знающему, по-видимому, все эти дела человеку. — Человек украл палку, ну, и суди его за кражу палки. А зачем же один обвиняет его в отцеубийстве, а другой говорит о добродетели.

— А таков порядок, — отвечал знающий в делах толк человек, — один тянет истину к себе, другой — к себе, а, в конце концов, она и остановится прямо перед судьями! Один будет непомерно запрашивать, а другой — невероятно сбавлять. Мандаринам-судьям настоящая цена и выяснится.

— Станный обычай! — сказал Юн-Хо-Зан, и подождав, пока дело о палке кончилось, обратился к мандаринам со своим делом.

Мандарины выслушали его, одни — прислушиваясь к тому, что он говорил, другие — рассматривая узоры на потолке, и в один голос воскликнули:

— Закон!

— Да тут два закона! — возразил Юн-Хо-Зан. — Один — иметь косу, другой — брить голову. Какой же закон должен быть исполнен?

— Оба. Все законы всегда должны исполняться! — отвечали в один голос мандарины. — Мы затем и приставлены, чтобы все законы всегда исполнялись.

— Все! — уже в испуге воскликнул Юн-Хо-Зан и поспешил, насколько пятки позволяли, поскорее убраться.

«Уж если от применения двух законов человека каждый день бамбуками по пяткам, — что же будет, если к нему применить сразу все!» — думал он.

«Нет, со старыми китайцами нам друг друга не понять! — решил Юн-Хо-Зан. — Видно, оттого, что я сам молодой человек. Поговорить-ка мне с теми, которые помоложе!»

И увидав бегущего из школы школяра, он приветствовал его, как должно:

— Здравствуй, племянник моей тётки!

— Привет тебе, истребитель монгольской саранчи, многоженец, похитивший всех принцесс мира, окровавленный воин, дракон, дышащий огнём! — отвечал школьник на таком древнем китайском языке, каким говорили только за сто двадцать тысяч лун.

— В наше время эти слова звучат уже как ругательства! — улыбнулся Юн-Хо-Зан. — Кто научил тебя таким скверным словам?

— А в школе! — с гордостью отвечал школьник. — У нас этот язык только и учат.

— Напрасно! — сказал Юн-Хо-Зан. — Лучше бы вас учили приветливо разговаривать с современниками на современном языке. А на этом придётся говорить разве только на том свете, при встрече с каким-нибудь древним героем. Чему ещё учат вас в школе?

— Истории родной страны! — с гордостью отвечал школяр.

— А, это прекрасная наука! — сказал Юн-Хо-Зан. — Всегда приятно вспомнить о доблести и славе предков. Расскажи мне что-нибудь хорошее!

— Что же тебе рассказать получше? За двадцать четыре тысячи лун до нас жил богдыхан Да-Гуан-Су и истребил в своей жизни четыре миллиона людей. За двенадцать тысяч лун жил богдыхан Бай-И-Шан, отличавшийся жестокостью и казнивший два миллиона китайцев. За шесть тысяч лун жил

богдыхан Цянь-Лянь-Цзыр, у которого был самый большой гарем. Он был сластолюбив.

Юн-Хо-Зан, в знак горя, схватился за голову.

— Замолчи, малютка! Какой негодяй рассказал тебе одни только гадости про родную страну!

Но в это время страж схватил сзади Юн-Хо-Зана за косу.

— Эге! О чём ты беседуешь с молодым китайцем? Какие мысли внушаешь?

И с такой силой потянул Юн-Хо-Зана, что привязанная коса отлетела.

— Разбойник! — завопили все кругом. — Без косы.

А страж, моментально заколов Юн-Хо-Зана в колодки, потащил его к главному мандарину.

— Вот какого злодея я поймал! — воскликнул он, падая пред мандарином на колени.

— Эге! Знакомая ласточка! — воскликнул мандарин. — Вот он кем оказался! То-то я давеча смотрю: приходит и как негодяй в чужие дела вмешивается! Ты что же это? По тюрьмам шляешься, — место себе выбираешь? В «Летопись» возмутительную страницу вписать хотел? Школяров на улице ловишь и, что не следует, говоришь? Дать ему от меня сто ударов по пяткам, и так как он без косы, — тащи его в суд! Дело не моё.

Мандарины-судьи встретили Юн-Хо-Зана, как старого знакомого.

— А! Тот самый молодчик, который что-то насчёт применения законов полагал? И без косы, и полагает!

Мандарин, который бранит подсудимых, кричал:

— То-то он давеча ворчал насчёт отцеубийства. Сам он, должно быть, родного отца убил, справедливые мандарины!

И даже мандарин, который должен всех хвалить, ничего не нашёлся сказать в похвалу Юн-Хо-Зана:

— Что я, справедливые мандарины, скажу? Сами видите, — человек без косы!

Юн-Хо-Зана отвели в тюрьму, выбрили начисто голову, и мандарин-смотритель сказал:

— Сиди тут, пока коса не вырастет. А я тем временем буду тебе голову брить. Говорил утром: прогуляйся к бамбуковой роще. Не захотел — она теперь по твоим пяткам прогуляется.

Тут Юн-Хо-Зан больше не выдержал и в страшном гневе воскликнул:

— Довольно! Знаете вы, кто я? Я — богдыхан!

Все так и покатались со смеха.

— Да это сумасшедший! — сказали одни. — Посадить его напротив, в сумасшедший дом!

— Самозванец! — решили другие. — Отрубить ему голову!

Последнее мнение одержало верх.

Так прекратилась династия Мингов в Китае. Три года ждали возвращения Юн-Хо-Зана в Пекине, а через три года избрали ему преемником манчжура Ло-То-Жоу.